

Кармен Лазарь Осипович

Дорогие аплодисменты
Рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л17

Л17 **Лазарь Осипович К.**
Дорогие аплодисменты: Рассказы / Кармен Лазарь Осипович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-88455-6

ISBN 978-5-519-88455-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Большой гастрономическій магазинъ на Дерибасовской улицѣ, наканунѣ Рождества, залитый свѣтомъ ауэровскихъ горѣлокъ, сіялъ, какъ чертогъ.

Въ магазинъ и изъ магазина непрерывно входили и выходили покупатели, увѣшанные покупками.

Мимо магазина подъ, густо падавшимъ и мягко, какъ пухъ, ложившимся подъ ноги, снѣгомъ шмыгали деньщики съ корзинками съ виномъ, мальчишки изъ кондиторскихъ съ тортами, посыльные съ цвѣтами и проплывали нарядныя дамы и дѣвицы.

Тьма народу была на улицѣ.

Перебѣгая отъ магазина къ магазину за послѣдними покупками, люди, празднично настроенные, покрывали улицу громкимъ говоромъ, шутками и раскатистымъ смѣхомъ.

И вслушиваясь въ этотъ шумъ, казалось, что теперь—не поздній декабрь, а начало весны, когда въ душистыхъ акаціяхъ шумятъ, возятся, хлопчутъ и чирикаютъ тысячи воробьевъ.

— Марья Петровна! Здравствуйте!—чирикала какая-то дама.

— Здравствуйте, здравствуйте, Ирина Григорьевна!

— Куда такъ шибко? Да постойте!

— Не могу. Еще одну покупочку надо сдѣлать. Боюсь,—магазинъ закроютъ. Au revoir!...

— Извозчикъ!... Во-о-озчикъ!—покрывалъ этотъ діалогъ звонкій голосъ мальчишки, выскочившаго со свертками изъ магазина.

— Есть!—откликнулся пушечнымъ выстрѣломъ съ мостовой, по которой со звономъ проносились сани, точно мукой обсыпанные снѣгомъ, извозчикъ, и, какъ вихрь срывался съ мѣста.

Въ этой сутолокѣ, въ этой тьмѣ народа, въ этомъ шумѣ и, падающемъ снѣгѣ, какъ булавочная головка въ мѣшкѣ съ пшеницей, какъ жалобный пискъ птенца въ шумѣ вѣкового лѣса, затерялся Сенька «Фруктъ»—совсѣмъ незначущая личность, червячокъ, пропащій гражданинъ одесскаго порта.

Его никто не замѣчалъ и никто не обращалъ на него вниманія.

Толкаемый со всѣхъ сторонъ денщиками, посыльными и господами, онъ больше двухъ часовъ вертѣлся передъ гастрономическимъ магазиномъ.

Носъ, щеки, руки, оголенные, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ноги, спина и грудь его—все это было раскраснено и почти до крови натерто морозомъ. А козлиная русая борода, усы, брови, вѣки и куча волосъ, на которыхъ чудомъ держался «окурокъ фуражки» были посеребрены морозомъ и похожи на стальные щетки.

Но Сенька не обращалъ на это никакого вниманія.

Засунувъ руки въ рукава своей кофты—на немъ вмѣсто пиджака была женская теплая кофта въ заплаткахъ,—надвинувъ на глаза свой «окурокъ», скрючившись въ вопросительный знакъ и, безостановочно и глухо покашливая, онъ каждую минуту заглядывалъ въ магазинъ черезъ настежь раскрытыя двери.

Лицо при этомъ у него дѣлалось злымъ, какъ у волка.

Въ магазинѣ было людно, тепло и весело.

Въ большомъ пространствѣ, огороженномъ кадками, въ бѣлыхъ рубахахъ съ надписями «нѣжинскіе огур-

чики», «королевскія сельди», «икра паюсная», «икра зернистая»,—полками, на которыхъ лежали и лоснились кучи всякихъ колбасъ, ветчины, зажаренныхъ утокъ, тяжелыхъ и блестящихъ, какъ зеркало, окороковъ, и стойками съ батареями всякихъ винъ, водокъ и ликеровъ, топтались, въ нанесенномъ съ улицы снѣгѣ и грязи дамы въ шикарныхъ ротондахъ, мужчины въ шубахъ, чиновники и студенты въ николаевскихъ шинеляхъ, кухарки, толкали другъ друга, перебирали руками и обнюхивали со всѣхъ сторонъ колбасу, сыръ и трещали на разныхъ голосахъ такъ громко, что было слышно на улицѣ.

— Дайте-же мнѣ, наконецъ, полъ-фунта паюсной икры!

— Неужели мнѣ два часа ждать сыру?

— Дайте фунтъ охотничьихъ колбасъ и фунтъ чайной?

Розовые, какъ амуры, приказчики въ круглыхъ каракулевыхъ шапочкахъ и картузахъ, въ бѣлыхъ передникахъ, съ кожаными нарукавниками возлѣ кистей рукъ, съ карандашиками за ухомъ, метались отъ одной кадки къ другой, отъ прилавка къ прилавку, рѣзали колбасу, ветчину и сыръ, взвѣшивали, заворачивали въ бумагу и скороговоркой отвѣчали нетерпѣливымъ покупателямъ.

— Извольте-съ, сударыня, получить фунтъ чайной колбасы. Еще чего прикажите? Ничего-съ. Мерси-съ. Кушайте на здоровье.

— Грибковъ вамъ маринованныхъ? Сію секунду-съ. Не угодно-ли присѣсть?

— Съ васъ, мусью, 2 р. 73 к. Извольте получить чекъ и обратиться въ кассу.

— Увѣряю,—самое свѣжее. Сегодня только получено. Такъ прикажете отрѣзать?...

Получивъ свои покупки, покупатели направлялись къ кассѣ у дверей, за которой сидѣлъ съ безстрастнымъ лицомъ кассиръ, расплачивались, опускали мелкую монету въ кружку общества спасанія на водахъ—раскра-

шенную жестяную спасательную шлюбку—и удалялись.

Улучивъ моментъ, когда кассиръ головой погружался въ конторку, Сенька легонько поднимался на каменную ступеньку передъ дверьми, выкруглялъ спину и вытягивалъ свою длинную шею вмѣстѣ съ серебряной головой, оглядывалъ публику и поводилъ носомъ.

Можно было подумать, что ему доставляетъ удовольствіе послушать разговоры приказчиковъ съ публикой и, что онъ наслаждается запахомъ окороковъ, сыровъ и колбасъ.

Но какъ только кассиръ поворачивалъ лицо къ дверямъ, Сенька моментально втягивалъ, какъ улитка, голову и длинную шею въ свои узкія плечи и давалъ «задній ходъ».

Онъ соскакивалъ со ступеньки.

— О что-бъ васъ! Анаемы!—ругалъ онъ въ полъ-голоса покупателей. Да разойдетесь вы, наконецъ? Все мало вамъ. Весь магазинъ хотѣли бы забрать. И въ какую утробу вы столько колбасъ поналихаете? Что-бъ васъ разорвало.

Повертѣвшись немного и, потолкавшись въ публикѣ, онъ снова подходилъ къ магазину, просовывалъ въ двери свою смѣшную голову и ворчалъ по адресу какой-нибудь барыни въ роскошномъ сакѣ:

— Да будетъ тебѣ... торговаться и люdimъ (приказчикамъ) голову морочить. Сказано тебѣ, что фунтъ сыру—70 копеекъ. Чего-же торгуешься? И на кого она похожа? Нацѣпила на себя шляпу съ перомъ. Умереть можно. Ахъ ты «чимпанзе».

Будь у меня такая жена, я-бы ее въ звѣринецъ отправилъ. Что ты говоришь? Сыръ не свѣжій? Скажите пожалуйста. «Онѣ» не привыкли несвѣжій сыръ есть. Боже мой, Боже мой, какія мы нѣжныя... А этотъ длинный, въ очкахъ, на кого похожъ. На цалю. Тоже «оноръ» имѣетъ и на букву «г» говоритъ (тонъ задаетъ).

Ни одинъ, находившійся въ магазинѣ, не избѣжалъ его злой критики.

Каждого, выходящаго изъ магазина, онъ встрѣчалъ такими словами:

— Такъ бы давно. А то стоишь и торгуешься 20 часовъ. Слава Богу, однимъ „менче“.

Но радость сейчасъ же покидала его, такъ какъ на смѣну одного являлись пять новыхъ. И онъ отъ злости сжималъ кулаки и скрипѣлъ зубами.

«Когда же, наконецъ, ослободитѣсь?—спрашивалъ онъ самого себя съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Сенька вотъ уже седьмой годъ, что ходитъ передъ каждымъ рождествомъ въ этотъ магазинъ за обрѣзками.

Приказчики, освободившись отъ работы, подзывали его и набрасывали ему въ фуражку обрѣзки охотничьей и чайной колбасы, ветчины и сыру.

Взвѣсить бы эти обрѣзки, всего-то ихъ оказалось бы на пятачокъ.

Пятачокъ, что и говорить, монета пустяшная. Для иного пятачокъ—все равно, что плевокъ.

А для Сени и для всякаго портового босяка въ зимнее время—капиталь.

Вотъ почему онъ готовъ былъ ждать даже еще три часа.

Не остаться же ему въ праздникъ безъ мяса.

Чтобы хоть чѣмъ нибудь развлечься, Сенька подошелъ къ витринѣ магазина.

Въ громадной витринѣ, залитой пріятнымъ свѣтомъ, какъ въ акваріумѣ, во всю длину ея покоилась громадная, безъ шелухи рыба, хорошо прокопченая, жирная, сочная, янтарная. Она купалась въ соку. Ее окружали полчища разноцвѣтныхъ бутылокъ, окороковъ, бѣлыхъ, какъ молоко, поросята и коробки съ разнымъ соленьемъ.

Дрожь электрическимъ токомъ, пробѣжала по тѣлу Сени.

У него родилась преступная мысль.

«Посадить на правую руку фуражку, разбить стекло, вытащить быстро за хвостъ эту подлую рыбину и «сплейтовать» (удрать) въ портъ“.

Да! Это было бы недурно. „Но куда тебѣ несчастному Сенькѣ Фрукту,—заговорилъ въ немъ благоразумный голосъ. Будь ты «блатнымъ» (ловкимъ воромъ) куда ни шло. А то вѣдь ты жлобъ (дуракъ). Далеко не уѣдешь. Сейчасъ ментъ (постовой) сцапаетъ тебя и попадешь ты въ участокъ. И будетъ тебѣ въ участкѣ—хорошій праздникъ“.

Сенька со вздохомъ разстался со своей мыслью и, дабы не поддаться больше соблазну, оставилъ витрину.

Онъ опять заглянулъ въ магазинъ и просіялъ.

Народу въ магазинѣ теперь было совсѣмъ мало. Всего—пять, шесть человѣкъ.

— Слава Богу,—проговорилъ Сенька, откашлялся, вытащилъ изъ рукавовъ красныя, какъ-бы обогранныя кровью, руки, снялъ картузъ и безшумно влѣзъ въ магазинъ.

— Что надо?—грубо спросилъ кассиръ.

— Обрѣзки... приказчики изволили общать,—пролепеталъ онъ, съ трудомъ ворочая, одеревенѣвшими отъ мороза, губами.

— Послѣ прійдешь,—отрѣзалъ кассиръ.

— Послѣ опять много народу будетъ... Они сказали, что когда послободнѣе будетъ, чтобы прійти... Теперь слободно...

— Убѣрайся!

— А я уже три часа жду, баринъ,—и Сенька строилъ плаксивое лицо. Смерзъ весь. Ей-Богу... Страсть какъ холодно на дворѣ. Какъ ножомъ рѣжетъ...

— Послѣ, послѣ! Я же тебѣ сказалъ, когда совсѣмъ слободно будетъ!—послышался изъ-за прилавка рѣзкій голосъ старшаго приказчика. Будешь надоѣдать, ничего не получишь!

Сенька помялъ въ рукахъ картузъ, пожалъ плечами, засмѣялся неестественнымъ смѣхомъ и покорно проговорилъ:

— Что-жъ. Послѣ такъ послѣ. Три часа ждалъ. Можно еще часокъ подождать.

И онъ оставилъ магазинъ.

„Попросить бы у кого-нибудь,—подумалъ онъ и заплѣлъ надъ ухомъ одного франта:

— Пожертвуйте чтонибудь ради праздника образованному и благородному человѣку.

Но тотъ и глазомъ не моргнулъ.

Изъ магазина въ это время выльзъ толстый, приземистый господинъ съ бабьимъ лицомъ, безъ бороды, въ шубѣ.

Это былъ Семенъ Трофимовичъ Быковъ—одесскій домовладѣлецъ, онъ же хозяинъ мясной лавки на Молдаванкѣ—человѣкъ по натурѣ мягкій, чувствительный, но безхарактерный.

За спиной Семена Трофимовича стоялъ артельщикъ съ громадной корзиной, оттягченной окорками.

Семенъ Трофимовичъ запахнулся плотнѣе въ свою шубу, посмотрѣлъ на падающій снѣгъ и быстрымъ взглядомъ оглянулъ мостовую.

Сенька моментально сообразилъ, что надо Семену Трофимовичу, подскочилъ къ нему, ловко козырнулъ по военному и спросилъ:

— Позвать извозчика, баринъ?

— Сдѣлай милость,—отвѣтилъ тотъ.

Черезъ дорогу, возлѣ магазина бѣлыя стояли сани.

Сенька подскочилъ къ обочинѣ тротуара, замахалъ руками и крикнулъ:

— Извозчикъ!

— Заняты!—последовалъ отвѣтъ.

— Извозчикъ!—крикнулъ онъ потомъ другому и третьему.

Всѣ, какъ на зло, оказались занятыми.

Тогда Сенька бросился въ переулокъ, отыскать свободныя сани, прыгнулъ въ нихъ и подѣхалъ, какъ триумфаторъ, къ магазину.

— Пожалуйте!—крикнулъ онъ Семену Трофимо-

вичу и выскочилъ изъ саней.

Семень Трофимовичъ подошелъ вмѣстѣ съ артельщикомъ.

— Прикажете поставить?—спросилъ артельщикъ, указавъ на корзину.

— Поставь.

— Я поставлю!—воскликнулъ Сенька и, не дожидаясь разрѣшенія, почти вырвалъ изъ рукъ артельщика двухъ пудовую корзину.

Артельщикъ ушелъ, а Сенька сталъ устраивать въ саняхъ корзину.

— Полегче. Бутылки не разбей,—замѣтилъ ему Семень Трофимовичъ.

— Будьте покойны,—отвѣтилъ Сенька.

Пока Сенька возился съ корзиной, Семень Трофимовичъ разглядывалъ его тощую, стоявшую къ нему спиной и, терзаемую каплемъ, фигуру, профиль страдальческаго лица, голую шею, присыпанную снѣгомъ и вдругъ почувствовалъ къ нему глубокую жалость и расположеніе.

Онъ вспомнилъ почему-то, недавно прочитаннаго на сонъ грядущій „Юліана Милостиваго“, какъ тотъ пригрѣлъ прокаженнаго и какъ прокаженный оказался лучезарнымъ ангеломъ, посланнымъ Юліану Богомъ для испытанія.

„А что, промелькнула въ головѣ Семена Трофимовича нелѣпая мысль, если этотъ маленькій, худой, оборванный человѣчекъ, вознящійся надъ его корзиной—такой же, какъ и тотъ прокаженный и посланъ Семену Трофимовичу Господомъ Богомъ для испытанія?“

Мысль эта была неожиданна и повергла его въ трепеть.

„Все равно, подумалъ онъ потомъ, кто бы ни былъ, а я долженъ пригрѣть его. Возьму его сейчасъ домой и мы вмѣстѣ встрѣтимъ праздникъ,—рѣшилъ онъ.

Отъ этого рѣшенія на душѣ у него сдѣлалось такъ легко, точно онъ слышалъ великую радость.

Сеня тѣмъ временемъ окончилъ работу, поднялъ голову и, ничего не подозрѣвая о готовившемся для него сюрпризѣ, проговорилъ съ улыбкой:

— Готово, ваше благородіе.

— И прекрасно,—сказалъ какъ-то особенно мягко и ласково Семень Трофимовичъ. Теперь садись! и онъ легко втокнулъ его въ сани.

Сенька вытаращилъ на него свои мышиные глаза.

— Поставь корзину къ себѣ на колѣни—сказалъ, какъ прежде, мягко и ласково Семень Трофимовичъ.

Сенька, продолжая таращить на него глаза, исполнилъ его приказаніе.

Семень Трофимовичъ одобрительно кивнулъ головой и съ кряхтѣніемъ залѣзъ въ сани.

— Подвинься,—попросилъ онъ Сеню.

Сеня забился въ самый уголъ саней и, несмотря на это, оказался, до боли притиснутымъ Семеномъ Трофимовичемъ.

Сенѣ сдѣлалось такъ тѣсно, какъ тѣсно покойнику въ гробу. Онъ задыхался.

— Не тѣсно тебѣ? спросилъ участливо Семень Трофимовичъ, захвативъ девять десятыхъ узкаго сидѣнья.

— Н-не,—совралъ Сенька.

— А корзина не тяжела?

— Н-не,—совралъ опять Сенька.

Корзина давила его колѣни, какъ надгробный памятникъ.

— Тогда съ Богомъ, извозчикъ.

Сани со скрипомъ и звономъ полетѣли по снѣжному пуховику.

Сеня, придерживая обѣими руками и подбородкомъ корзину и, изнемогая отъ ея тяжести, ждалъ что будетъ дальше.

Когда они проѣхали полъ-квартала, Семень Трофимовичъ повернулъ къ нему свое доброе, бабье лицо и спросилъ:

— Ты, братъ, чѣмъ занимаешься?

— Въ порту работаю. Уголь изъ трюмовъ выгружаю,—отвѣтилъ скромно Сенька.

— Та-акъ-съ. А работа выгодная?

— Не очень что-бы. Конкуренція. „Банабаки“ и „буцы“ совсѣмъ цѣны сбили. Прежде по рублю работали мы въ день, а теперь иной разъ по 40 к.

— А кто они—банабаки?

— Имеретины и грузины. И нанесъ ихъ чортъ съ Кавказа. Сидѣли-бы себѣ тамъ и шашлыки свои лопали.

— А „буцы“—кто?

— Мужики. Тоже анаемы. Въ деревнѣ сладкаго нѣтъ такъ они къ намъ за сладкимъ въ портъ лѣзутъ.

— А ты сегодня работалъ?

— Гдѣ тамъ, когда ни одного англійскаго парохода въ гавани. Ледъ кругомъ. „Декохтъ“ такой въ порту, что держись.

— А декохтъ что такое?

— Постъ,—и Сенька разсмѣялся.

— Вотъ оно что. А гдѣ ты нынче, милый, праздникъ встрѣчать будешь?

— Извѣстно гдѣ. Въ баржанѣ—въ приютѣ.

— Ну, этого не будетъ,—торжественно заявилъ Семень Трофимовичъ. Ты вотъ что, другъ любезный, поѣдешь со мной ко мнѣ домой и вмѣстѣ праздникъ встрѣтимъ, какъ полагается всякому православному.

Сенька какъ услышалъ это, поймалъ его руку и беззвучно прилипъ къ ней.

— Что ты?! Христосъ съ тобой!—оторвалъ его руку Семень Трофимовичъ.

Онъ послѣ этого совсѣмъ расчувствовался, положилъ на плечо Сеньки свою тяжелую руку и ласково проговорилъ:

— А кутя у насъ будетъ хорошая. Съ орѣхомъ миндалемъ, макомъ... Любимъ такую кутю? Небось, никогда не ѣдалъ такой. Хе, хе! Потомъ рыба всякая, вино, водка и рябиновая, и горькая, и наливка.